

В. Г. Белинский

**Сочинения Александра
Пушкина. Статья
одиннадцатая и...**

Виссарион Белинский

**Сочинения Александра Пушкина.
Статья одиннадцатая и последняя**

«Public Domain»

1846

Белинский В. Г.

Сочинения Александра Пушкина. Статья одиннадцатая и последняя / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1846

ISBN 978-5-457-13630-4

Постепенно статьи о Пушкине переросли ранее намеченные рамки. Поэтому весной 1846 года, оставляя «Отечественные записки», Белинский должен был в последней (одиннадцатой) статье обозреть все оставшиеся неразобранными произведения Пушкина, среди которых были такие шедевры, как «Медный всадник», маленькие трагедии, «Пиковая дама», «Капитанская дочка». Естественно, что Белинский должен был ограничиться беглыми и краткими замечаниями о названных произведениях. Заканчивая свой труд, Белинский подчеркивал, что задача определения исторического и художественного значения поэта ни в коем случае не может считаться уже решенной. Пушкин принадлежит к вечно юным и развивающимся в сознании последующих поколений гениям. Каждое из них будет выносить свое суждение о поэте, и никогда это суждение не будет окончательным и исчерпывающим. Пушкин для Белинского был символом высокой талантливости русского народа.

ISBN 978-5-457-13630-4

© Белинский В. Г., 1846

© Public Domain, 1846

Содержание

«Домик в Коломне». – «Родословная моего героя» (Отрывок из сатирической поэмы). – «Медный Всадник». – «Голуб». – «Египетские ночи». – «Анджело». – «Сцена из Фауста». – «Пир во время чумы». – «Моцарт и Сальери». – «Скупой рыцарь». – «Русалка». – «Каменный гость». – «Сцена из рыцарских времен». – Сказки: «О царе Салтане»; «О мертвой царевне и о семи богатырях»; «О золотом петушке»; «О рыбаке и рыбке»; «О купце Кузьме Остолопе и о работнике его Балде». – Повести: «Арап Петра Великого»; «Повести Белкина»; «Пиковая дама»; «Капитанская дочка»; «Дубровский». – «Летопись села Горохина». – «Кирджали». – «История Пугачевского бунта». – Журнальные статьи. – Заключение. {1}	5
Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	15

Виссарион Белинский

Сочинения Александра Пушкина.

Статья одиннадцатая и последняя

Санкт-Петербург. Одиннадцать томов 1838–1841 г.

«Домик в Коломне». – «Родословная моего героя» (Отрывок из сатирической поэмы). – «Медный Всадник». – «Голуб». – «Египетские ночи». – «Анджело». – «Сцена из Фауста». – «Пир во время чумы». – «Моцарт и Сальери». – «Скупой рыцарь». – «Русалка». – «Каменный гость». – «Сцена из рыцарских времен». – Сказки: «О царе Салтане»; «О мертвой царевне и о семи богатырях»; «О золотом петушке»; «О рыбаке и рыбке»; «О купце Кузьме Остолопе и о работнике его Балде». – Повести: «Арап Петра Великого»; «Повести Белкина»; «Пиковая дама»; «Капитанская дочка»; «Дубровский». – «Летопись села Горохина». – «Кирджали». – «История Пугачевского бунта». – Журнальные статьи. – Заключение.^[1]

При разборе остальных сочинений Пушкина, о которых нами не было еще говорено, мы несколько отступим от того хронологического порядка, в каком появлялись в свет эти сочинения, чтобы, окончив с поэмами, драматические произведения обозреть вместе.

«Домик в Коломне» – игрушка, сделанная рукою великого мастера.^[2] Несмотря на видимую незначительность ее со стороны содержания, эта шуточная повесть тем не менее отличается большими достоинствами со стороны формы. Остроты, шутки, рассказ, в одно время и легкий и занимательный, местами проблески чувства, на всем какой-то особенный колорит и, наконец, превосходный стих – все это тотчас же обличает великого мастера. Когда нечаянно попадаете вам под руку эта, теперь уже столь старая пьеса, и взор ваш небрежно падает на первую попавшуюся строфу или стих, – все равно, с начала это или с середины, но только вы, незаметно для самого себя, непременно прочтете до конца, и на душе вашей от этого чтения останется впечатление легкое, но невыразимо сладостное, хотя бы вы уже сто раз читали и перечитывали эту пьесу прежде. Многих удивит подобное мнение, но «Домик в Коломне» мы считаем одним из замечательных произведений, в котором, под легкою, небрежною формою и при видимой незначительности содержания, скрыто много искусства. Эта пьеса доказывает ту простую истину, что жизнь, лишь бы искусство верно воспроизводило ее, всегда высоко для нас занимательна и что люди, ищущие в произведениях искусства

только эффектных сюжетов, не понимают ни жизни, ни искусства. Поэтические произведения так же имеют свой колорит, как и произведения живописи, и если колорит в картинах ценится так высоко, что иногда только он один и составляет все их достоинство, то так же точно колорит должен цениться и в поэтических произведениях. Правда, он меньше всего доступен большинству читателей, которые, по обыкновению, прежде всего хватаются за содержание, за мысль, мимо формы, и потому часто дюжинные произведения принимаются ими за великие, а великие – за дюжинные. Мы уверены, что есть много читателей, которым «Домик в Коломне» очень нравится, но которые тем не менее считают его только миленькою, но очень ничтожною вещью. Так всегда судит большинство!

«Родословная моего героя», названная отрывком из сатирической повести, вместе с «Графом Нулиным» и «Домиком в Коломне», составляет тип особенного рода поэм, которые так любит новая «натуральная» школа нашей литературы, пошедшая, как известно, не от Карамзина и Дмитриева, а от Пушкина и Гоголя. Это по преимуществу поэмы нашего времени, потому что их больше других любят в наше время. И немудрено: в них поэт не прячется за своими героями или за событием, но прямо от своего лица обращается к читателю с теми вопросами, которые равно интересны и для самого поэта, и для читателя. В поэмах этого рода даже важное и патетическое само по себе выказывается с оттенком иронии, юмористически, и иногда тем сильнее действует на читателя, чем небрежнее говорит поэт.

Нельзя сказать положительно, хотел ли Пушкин написать целую поэму и почему-нибудь остановился на начале; но нет никакого сомнения, что отрывок «Родословная моего героя», во всяком случае, представляет собою нечто целое, потому что выражает мысль совершенно полную и определенную. Судя по словам автора, отрывок этот можно принять за сатиру на людей, которые потому только не уважают знатности породы, что сами не могут похвалиться ею (по крайней мере Пушкин тут ясно дает чувствовать, что он не понимает другой возможности равнодушия к гербам и пергаментам); но, всмотревшись ближе в его произведение, нельзя не увидеть, что это очень острая сатира, написанная поэтом на самого себя. С неподражаемым остроумием шутит *поэт* над предками своего героя, излагая его генеалогию:

Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим,
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской.
Но снова шел под тяжкий гнев
И умер, Сицких пересев.

Этот намек на местничество, составлявшее *point d'honneur*¹ нашей боярщины, блещет истинно вольтеровским остроумием, которое, конечно, не возбудит в читателе особенного уважения к «родословным», но вслед же за тем ирония поэта бросается совсем в противоположную сторону:

Но извините, статья может,
Читатель, вам я досадил;
Ваш ум дух века просветил,
Вас спесь дворянская не гложет.
И нужды нет вам никакой

¹ Сущность понятий о чести. – *Ред.*

До вашей книги родовой.

Кто б ни был ваш родоначальник.
Мстислав, князь Курбский иль Ермак,
Или Митюшка целовальник, —
Вам все равно. Конечно так:
Вы презираете отцами,
Их славою, честью, правами. —
Великодушно и умно.

Вы отреклись от них давно
Прямого просвещения ради,
Гордясь (как общей пользы друг)
Красою «собственных заслуг»,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.

Эти мысли изумительны своею наивностью, достойною тех времен, когда Варлаама Езерского за споры то с тем, то с другим с бесчестьем выводили из-за царского стола!.. Из чего хлопочет поэт? Против чего восстает он? — Против того, чего сам не мог не осмеять... Что за упрек такой. «Вас *спесь* дворянская не гложет»? Неужто *спесь* дворянская или мещанская есть добродетель, а не порок — признак грубости нравов и невежества?.. Вам все равно, кто бы ни был ваш родоначальник — князь или целовальник Митюшка?.. Гордиться происхождением от князя так же смешно, как и стыдиться происхождения от целовальника, потому что как в первом случае заслуга, так во втором — преступление — суть чистейшая случайность. Не происхождение, а жизнь приносит человеку честь или бесчестье. Иначе Сусанин или Минин были бы низкими людьми в сравнении со всяким глупеньким и пошленьким князьком, каких довольно бывает на белом свете между князьями, достойными всякого уважения по их личным достоинствам. Поэт обвиняет родословных людей нашего времени в том, что они презирают своими отцами, их славою, правами и честью: упрек столько же ограниченный, сколько и неосновательный! Если человек не чванится тем, что происходит по прямой линии от какого-нибудь великого человека, неужели это непременно значит, что он презирает своего великого предка, его славу, его великие дела? Кажется, тут следствие выведено совсем произвольно. Презирать предков, когда они и ничего не сделали хорошего, смешно и глупо, — можно не уважать их, если не за что уважать, но в то же время и не презирать, если не за что презирать. Где нет места уважению, там не всегда есть место презрению: уважается хорошее, презирается дурное; но отсутствие хорошего не всегда предполагает присутствие дурного, и наоборот. Еще смешнее гордиться чужим величием или стыдиться чужой низости. Первая мысль превосходно объяснена в превосходной басне Крылова: «Гуси»; вторая ясна сама по себе. Известно, что целовальники (в древности — присяжные чиновники) не отличались особенною честностью, не отличаются и ныне, как продавцы вина в питейных домах; но, если сын целовальника по своей натуре оказался неспособным к званию своего отца, и вместо того, чтоб обмеривать в кабаке пьяных мужиков, прожил век свой, пожалуй, не великим, даже не даровитым, а просто честным человеком, — скажите: зачем ему стыдиться, что он сын своего отца?.. Притом же мы нисколько не спорим, что Тамерлан был большой аристократ, — по крайней мере при его жизни в этом никто не смел усомниться под опасением быть посажену на кол; но прежде нежели сделался великим ханом, он был кузнецом, заплатившим за покражу овцы увечьем ноги. Так и всякий род начат

был одним человеком незнатного происхождения, у которого в родне был не один сапожник или портной. Но все это истины немного пошлые потому именно, что они уж слишком истинны. Тем, невидимому, страннее, что великий поэт видел в них ложь, а во лжи — истину. Но здесь в поэте сказался человек, не могший, назло себе, отрешиться от предрассудков, над которыми сам смеялся... Но далее —

Я сам, хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят,
Я мещанин, как вам известно,
И в *этом смысле* (в каком же?) демократ;
Но, каюсь: новой Ходаковской,
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.

Признание поистине наивное! На вкус товарища нет, говорит русская пословица; но кому какое дело до чужих вкусов и кто свои личные и притом странные вкусы вправе выдавать другим за закон? Один любит говорить с московскою бабушкою о родне и о *толстобрюхой старине*; другой любит рассуждать с своим крепостным псарем о личных качествах и добродетелях его гончих: оба правы, и мы никому из них мешать не намерены, а только считаем себя вправе попросить обоих не навязывать нам своих вкусов, как правил нравственности и добродетели.

Мне жаль, что нашей славы звуки
Уже нам чужды...

Действительно, жаль, если правда, что звуки нашей славы нам чужды. Только едва ли правда: равнодушие к *толстобрюхой старине* и равнодушие к народной славе — совсем не одно и то же. Если поэт хотел этим упреком намекнуть на то, что мы, как молодой, исполненный надежд, народ, больше заняты своим настоящим и больше смотрим на свое будущее, нежели на прошедшее, то ему следовало бы выразиться яснее и понять лучше причину этого явления, совершенно необходимого и нисколько не предосудительного в его источнике...

Что спроста
Из бар мы лезем в tiers-état...²

Полно, спроста ли? Мы вообще убеждены, что ни одно историческое явление не делается спроста и ни в одном не виноваты люди. Предки наших бар шли все в гору, хотели быть только барами и жили широко, не заботясь о будущем; а их дети принуждены были понять, что барство поддерживается прежде всего деньгами и что без денег барство — суета сует! Тут видна скорее сметливость и догадливость, нежели простота. Фабрики, компании, акции, спекуляции, предприятия, обороты — все это вещи, может быть, действительно нисколько не аристократические, зато уже и совсем не простоватые... В наше время простаков мало, и простак в наше время именно тот, кого гложет какая-нибудь спесь...

Что нам не впрок пошли науки,
И что спасибо нам за то

² Третье сословие. — Ред.

Не скажет, кажется, никто.

Да из чего же следует, что науки пошли нам не впрок? Уж не из того ли, что они избавили нас от дворянской спеси?.. Странный вывод!.. Впрочем, пошедши от ложного начала, нельзя не дойти до ложных выводов... Странное зрелище: великий поэт видит зло в успехах просвещения, которое без насильственных переворотов смягчило грубость нравов и сблизило между собою дотоле разделенные сословия!..

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух;
Что их поносит и Фиглярин;
Что русский *ветреный* боярин (барин?)
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей;
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава;
Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!

Многим показалось ужасно остроумною выходка о демократическом копыте осла, лежащего геральдического льва, и они так восхитились ею, что поверили древности этого геральдического льва, по наивному незнанию, что существование нашей геральдики есть искусственное и не простирается даже за полувек от настоящего дня... От этих стихов так и веет «Литературною газетою» 1830 года. Ничего не может быть нелепее, как приложение к нашему русскому быту факсов истории Западной Европы с ее католическими и рыцарскими преданиями, вовсе для нас чуждыми и нисколько к нам не идущими. И оттого слова: *аристократический, демократический*, встречающиеся изредка в русских стихах или русской прозе, тем смешнее и забавнее, чем серьезнее смотрят они... Пушкина, кажется, очень занимало общественное положение Байрона, гордившегося тем, что в его жилах текла королевская кровь, и более дорожившего своим званием лорда, нежели своим значением первого поэта Европы XIX века. Но Байрон – другое дело. Он – англичанин; его предрассудки имели значение историческое и национальное. Если б он и не сделался великим человеком, он все бы остался важным лицом в своем отечестве: обладателем огромного наследства, по праву рождения членом палаты лордов... Аристократизм – в этом слове заключается вся политическая конструкция Англии как государства, и потому там к партии тори принадлежат не одни дворяне, но и люди всех других сословий, которые в сохранении status quo видят для себя великий вопрос: *быть или не быть?*.. Как потомка старинной фамилии, Пушкина знал бы только его круг знакомых, а не Россия, для которой в этом обстоятельстве не было ничего интересного; но, как поэта, Пушкина узнала вся Россия и теперь гордится им, как сыном, делающим честь своей матери... Кому нужно знать, что бедный дворянин, существующий своими литературными трудами, богат длинным рядом предков, мало известных в истории? Гораздо интереснее было знать, что напишет нового этот гениальный поэт...

Забавны в сатирическом смысле последние стихи отрывка:

Вот *почему*, архивы роя,

Я разбираю в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ
И здесь потомству заповедал.
Езерский сам же твердо ведал.
Что дед его, *великий муж*,
Имел двенадцать тысяч душ;
Из них отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А сам он жалованьем жил
И регистратором служил.

Увы! *Sic transit gloria mundi!*³ На кого же тут пенять, на кого жаловаться? Какие тут аристократы и демократы? Тут дело должно идти просто о мотовстве, о незнании хозяйства, о нерасчетливой жизни на авось, о естественном раздроблении имений через право наследства... Тем, которые тут проиграли, остается одно – вступить в *tiers-état*, но не спроста и для того, чтоб, во-первых, что-нибудь делать, а во-вторых, чтобы иметь более верные средства к существованию...

Вместо этой юмористической повести Пушкину лучше было бы написать дидактическую поэму о пользе свеклосахарных заводов или о превосходстве плодопеременной системы земледелия над трехпольною, как Ломоносов написал послание о пользе стекла, начинающееся этими наивными стихами:

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов.

А между тем «Родословная моего героя» написана стихами до того прекрасными, что нет никакой возможности противиться их обаянию, несмотря на их содержание. И потому эта пьеса – истинный шалаш, построенный великим мастером из драгоценного паросского мрамора...

Теперь перейдем к трем лучшим в художественном отношении поэмам Пушкина – «Медному Всаднику», «Галубу» и «Египетским ночам».

«Медный Всадник» многим кажется каким-то странным произведением, потому что тема его, повидимому, выражена не вполне. По крайней мере страх, с каким побежал помещанный Евгений от конной статуи Петра, нельзя объяснить ничем другим, кроме того, что пропущены слова его к монументу.^[3] Иначе почему же вообразил он, что грозное лицо царя, возгорев гневом, тихо оборотилось к нему, и почему, когда стремглав побежал он, ему все слышалось:

Как будто, грома грохотанье.
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой?..

Условьтесь в том, что в напечатанной поэме недостает слов, обращенных Евгением к монументу, – и вам сделается ясна идея поэмы, без того смутная и неопределенная. Настоя-

³ Так проходит мирская слава. – *Ред.*

щий герой ее – Петербург. Оттого и начинается она грандиозною картиною Петра, задумывающего основание новой столицы, и ярким изображением Петербурга в его теперешнем виде.

На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И в даль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.
И думал Он:
«Отсель грозить мы будем шведу;
Здесь будет город заложен,
На зло надменному соседу;
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море;
Сюда, по новым им волнам,
Все флаги в гости будут к нам —
И запируем на просторе!»
Прошло сто лет – и юный град.
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво:
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова —
И перед младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Не перепечатываем вполне этого описания, исполненного такой высокой и мощной поэзии; но, чтоб проследить идею поэмы в ее развитии, напомним читателю заключение:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия!
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия:
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!
Была ужасная пора:
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

Содержание этого рассказа составляет описание страшного наводнения, постигшего Петербург в 1824 году. Это плачевное событие имеет прямое отношение к построению Петром Великим Петербурга, не по одной этой причине столь дорого стоившего России. С историею наводнения, как исторического события, поэт искусно слил частную историю любви, сделавшейся жертвою этого происшествия. Герой повести – Евгений, имя, так сдружившееся с пером нашего поэта, который с грустию описывает его незначительность, не соответствующую его понятиям о родословии:

Прозванье нам его не нужно —
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И, под пером Карамзина,
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живет в Коломне, где-то служит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о покойнице родне,
Ни о забытой старине.

Однажды лег он с грустными мечтами о своем житье-бытье; вечер был мрачен и бурен.
На другой день сделалось наводнение —

И всплыл Петрополь, как тритон,
По пояс в воду погружен.

Картина наводнения написана у Пушкина красками, которые ценою жизни готов бы был купить поэт прошлого века, помешавшийся на мысли написать эпическую поэму – «Потоп»... Тут не знаешь, чему больше дивиться – громадной ли грандиозности описания или его почти прозаической простоте, что, вместе взятое, доходит до высочайшей поэзии. Однакож, боясь перепечатать всю поэму, пропускаем начало описания, чтоб поспешить к герою поэмы:

Тогда на площади Петровой, —
Где дом в углу вознесся новый,
Где под возвышенным крыльцом,^[4]
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые, —
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений. Он страшился бедный
Не за себя. Он не слышал,
Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая;
Как дождь ему в лицо хлестал;
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры
На край один наведены
Недвижно были. Словно горы,
Из возмущенной глубины
Вставали волны там и злились.
Там буря выла, там носились
Обломки... Боже, боже!.. там —
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит? Иль вся наша
И жизнь не что, как сон пустой,
Насмешка рока над землей?
И он, как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода — и больше ничего!
*И обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине.
Над возмущенною Невойю,
Сидит с простертою рукою
Гигант на бронзовом коне...*

Когда наводнение утихло, Евгений на месте, где стоял дом Параша, нашел одну иву — и ничего больше. Несчастный сошел с ума. Бродя по улицам, преследуемый мальчишками, получая удары от кучерских плетей, раз —

Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце,
С поднятой лапой, как живые.

Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине.
Над огражденною скалою.
Гигант с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

В этом беспрестанном столкновении несчастного с «гигантом на бронзовом коне» и в впечатлении, какое производит на него вид Медного Всадника, скрывается весь смысл поэмы; здесь ключ к ее идее...

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились.
Бунтуя грозно вокруг него.
И львов, и площадь, и *Того*.
Кто неподвижно возвышался
Во мраке с медной головой
И с распростертою рукою —
Как будто градом любовался.
Безумец бедный обошел
Кругом скалы с тоскою дикой,
И надпись яркую прочел,
И сердце скорбию великой
Стеснилось в нем. Его чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По членам холод пробежал,
И вздрогнул он — и мрачен стал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Названия некоторых произведений в издании 1841 года даны произвольно. В современных нам изданиях поэма «Галуб» названа более правильно «Тазит», по имени главного героя (сам Пушкин названия поэме не дал). «Сказка о попе и работнике его Балде» из цензурных соображений была переименована Жуковским в «Сказку о купце Кузьме Остолопе и о работнике его Балде» с соответствующими искажениями в тексте (опубл. в «Сыне отечества», 1840, т. II, кн. 1, стр. 5–10; в изд. 1841 г., т. IX). «Летопись села Горохина» – так напечатано в первой публикации после смерти Пушкина в «Современнике», 1837, т. VII, № 3, стр. 197–220; и в изд. 1841 г., т. X. Нужно: «История села Горюхина». «История Пугачевского бунта» – название дано Николаем I, у Пушкина было «История Пугачева».

2.

Поэма «Домик в Коломне» написана в знаменитую Болдинскую осень 1830 года.

3.

«Медный всадник» написан в Болдине в октябре 1833 года. При жизни Пушкина поэма напечатана не была, за исключением вступления, которое появилось в «Библиотеке для чтения» в 1834 году, том VII, № 12, отд. I, стр. 117–119, под названием «Петербург, отрывок из поэмы», за подписью: А. Пушкин. Полностью поэма была опубликована В. А. Жуковским уже после смерти Пушкина в «Современнике», 1837, кн. V, с переделкой многих стихов (то же самое в изд. 1841 г., т. IX). Белинский совершенно правильно заметил, что «тема в «Медном всаднике», повидимому, выражена не вполне». Особенно пострадал в результате переделки Жуковского «бунт» Евгения. Жуковский изъел вовсе слова Евгения, обращенные к монументу. Ср. текст «Современника», 1837, кн. V, стр. 17–18.

4.

У Пушкина «Где над возвышенным крыльцом» (т. IX, стр. 12).